

М.Т. СТЕПАНЯНЦ. *Межкультурная философия: истоки, методология, проблематика, перспективы*. Ин-т философии РАН. М.: Наука – Вост. лит., 2020. 183 с.

Книга М.Т. Степанянц является новаторской: в ней впервые в мире даётся целостная картина философских тенденций и проблем, связанных с возникновением и особенностями «межкультурной философии». Книга обладает серьёзным эвристическим потенциалом, поскольку автор стремится показать и проанализировать существующие подходы к осмыслению межкультурной философии, побуждая читателя включиться в мыслительную деятельность по выработке новых подходов к разрешению возникающих проблем.

Автор подвергает критическому анализу бытующие в современной науке два основных подхода к межкультурной философии. Показав их достоинства и недостатки, М.Т. Степанянц допускает качественно новый, третий путь, предполагающий становление новой рациональности и создание новых сценариев глобализации, но осуществимый только после реализации первых двух (см. с. 25). Тем самым прокладывается путь к переосмыслению целого ряда болезненных для современной философии проблем, причём подчёркивается необходимость опоры на философские традиции, сложившиеся в разных культурах.

Высоко оценивая основной посыл автора, не могу не выразить некоторого удивления по поводу того, что, по выражению М.Т. Степанянц, она всего лишь «допускает» возможность третьего пути (с. 25). Однако всё содержание книги свидетельствует о том, что межкультурная философия достижима именно благодаря этому третьему пути. Правда, его ещё предстоит выработать долго и постепенно, учась взаимопониманию и взаимодействию в решении глобальных проблем, о чём неоднократно справедливо указывается в книге. Думается, следовало бы ярче подчеркнуть, что таково веление времени. Назрела необходимость задуматься над выработкой «третьего пути», создающего не только возможности «открытия новых, ранее неведомых *решений* универсально значимых проблем» (там же) (*курсив мой* – Т.П.), как отмечено в книге, но и нового понимания, что такое универсальность и какие проблемы в настоящее время вправе претендовать на статус «универсально значимых».

Движение к межкультурной философии требует пересмотра существующих трактовок рациональности и связанных с ними представлений о картографии философии, чему посвящена отдельная глава книги. Отвергая ограни-

ченное толкование рациональности как особенности исключительно западноевропейской философии, автор напоминает читателю о том, что любая философская традиция уделяет внимание знанию, однако «существуют различия в акцентах и в том, как они относятся к **теоретизированию** о знании» (с. 32). Так, для китайской философской традиции характерен прагматический подход к знанию, что не способствует созданию теории знания. Различия в понимании китайского рационализма проиллюстрированы изложением противоположных позиций двух видных российских синологов – А.И. Кобзева и А.А. Крушинского.

Выступая против западцентристского истолкования рациональности, М.Т. Степанянц столь же решительно возражает и против другой крайности, в которую впадают некоторые незападные философы, склонные отказываться от европейского философского наследия, в том числе и от компаративизма. В книге убедительно показано, что любой радикализм разрушителен для философии.

Представляется, что было бы уместным перенести в этот раздел некоторые положения из главы VIII, материал которой в ряде вопросов переключается с идеей новой картографии философии. В частности, имело бы смысл, на мой взгляд, показать, что так называемый западный тип мышления характерен не для всех философских учений, существовавших в разные эпохи в разных странах Запада, а только для особого типа цивилизации, которую В.С. Стёпин определил как «техногенную». Если же рассмотреть этот тип цивилизации в социально-историческом плане, то он предстанет как порождение капиталистической глобализации. Тем самым ярче высветится условность термина «западный тип мышления», которым мы пока вынуждены пользоваться за неимением более точного и общепризнанного. Стоило бы, полагаю, отметить, что в рамках «западного типа мышления» на первый план в современном мире выдвинулась позитивистская по происхождению «функциональная рациональность», в наибольшей степени отвечающая потребностям капиталистической глобализации. Думаю, не случайно американский философ Дж. Сёрл, упомянутый в книге, высказывал опасение по поводу того, что отказ от западной рационалистической традиции приведёт к разрушению основ западной культуры (см. с. 145). Сделаем поправку на то, что под «западной культурой» американский

философ явно понимает современную «культуру» глобализирующегося мира, и признаем правоту его утверждения: отказ от господства «функциональной рациональности» в самом деле означал бы неприятие капиталистической глобализации вместе с порожденной ею «потребительской» культурой. Выход из затруднительного положения М.Т. Степанянц указывает на с. 101: «Необходим переход к новому типу цивилизационного развития», с чем нельзя не согласиться и что в свою очередь предполагает разработку нового типа научной рациональности, опирающегося на достижения мировоззренческих учений народов мира.

Надеюсь, что предложенные уточнения способны внести определенный вклад в проект новой картографии философии, за которую ратует М.Т. Степанянц и сама идея которой уже является новым словом в науке.

Касаясь вопроса о предпосылках к развитию межкультурной философии, автор подробно излагает в главе III представления о так называемом инклюзивном характере индийской философии, который, по мнению многих философов, и обеспечивает повышенное внимание индийских философов к межкультурной философии. Материал чрезвычайно интересен, особенно тем, что подан он в критическом ключе. Тем не менее, ссылки только на индийских философов, по-моему, недостаточно. Хорошо бы назвать и другие философские традиции, в которых просматриваются предпосылки межкультурной философии. Например, почему бы не упомянуть русский космизм, сославшись на то, что более подробный анализ этого философского течения даётся в главе IV? Думаю, данная глава обрела бы большую многомерность.

В высшей степени актуальна глава IV, посвящённая экологической составляющей современного общества. Автор раскрывает связь экологических проблем с господствующими мировоззренческими установками и призывает использовать опыт отношения человека к природе, накопленный в разных культурах и ярко представленный в соответствующих философских учениях. Особого внимания заслуживает обращение автора к русскому философскому наследию, в частности к учению Д.Л. Андреева. Правда, автору пришлось – по её собственному признанию – «перевести идею “Розы мира” на современный язык» (с.49), зато становится понятно, насколько русские мыслители конца XIX–XX вв., особенно представители русского космизма, были озабочены проблемами экологии и насколько близки современной науке их представления об исторически изменчивом отношении человека к природе.

Полагаю, что именно в данной главе следовало бы поставить под сомнение широко распространённое представление о том, будто в западной культуре доминирует антропоцентризм.

Носители западной культуры, возможно, так и считают. Однако всё содержание рецензируемой книги, включая данную главу, показывает, что это утверждение покоится на ущербной интерпретации человека как функции общественного производства (см. с. 64–65).

Признавая необходимость учитывать опыт прошлого, следовало бы, полагаю, подчеркнуть, что ни одной из философских систем, обладающей ярко выраженным экосознанием, не удалось предотвратить загрязнения окружающей среды носителями соответствующих мировоззренческих установок. В этом отношении негативные тенденции глобализации явно пересилили традиционные установки. Отсюда следует, что решение экологических проблем надо искать не в самом по себе прошлом опыте, а в создании цивилизации нового типа, учитывающей прошлый опыт. Подтверждается правота автора книги: необходимо двигаться по третьему пути формирования межкультурной философии ради создания нового типа отношений между представителями разных культур, между человеком и обществом, между человеком и природой. В этой связи хочется упомянуть рассуждения автора о роли экологических утопий в определении того, что надо исправить в существующем обществе (см. с. 60).

Очень информативной и в то же время дискуссионной оказалась глава V, посвящённая трактовке справедливости в разных культурах. Правда, приведённых здесь доводов в пользу признания «справедливости» общечеловеческой ценностью (см. с. 62), на мой взгляд, недостаточно. По существу речь идёт о всеобщей распространённости, которую сторонники нынешней глобализации и отождествляют с «общечеловеческой ценностью». Тем самым понятие формализуется и утрачивает исконный смысл. Зато не вызывает сомнений положение о том, что различия в трактовке справедливости связаны не только с различиями между культурами, но и с формационным уровнем развития общества. Впрочем, наиболее фундаментальное различие в трактовке справедливости определяется, на мой взгляд, расхождениями между традиционными обществами и посттрадиционным, т. е. нынешним глобализирующимся обществом.

Что касается деления моральных систем, существовавших до западного либерального общества, на освящённые религией, с одной стороны, и авторитарные – с другой, по-моему, на нём лежит печать западоцентризма. В самом деле, типичной авторитарной системой морали считается китайская. Однако, как показано в рецензируемой книге, согласно конфуцианской традиции, и отношения между людьми, и положение дел в государстве определялось «волей Неба». Фактически Небо оказывалось для китайцев чем-то вроде заместителя Бога христианской религии или Аллаха

ислама. Так что различия между указанными системами морали не так уж принципиальны. Куда важнее то, что в традиционных обществах, включая российское, справедливость отождествляется с «правдой» (см. с. 66).

Если последовательно придерживаться указанных положений, то вопрос о принадлежности России Востоку или Западу разрешается *однозначно*, вопреки мнению М.Т. Степанянц о невозможности его однозначного решения (см. с. 67). В действительности *постановка вопроса* безнадежно устарела, и нет смысла к ней возвращаться. Похоже, нам ещё не удалось полностью вырваться из тисков западоцентристской системы понятий. Тем важнее книги, подобные этой, – книги, побуждающие посмотреть на привычные вещи с непривычной точки зрения.

Затронув вопрос о неоднократно предпринимавшихся в разных странах попытках реформировать культуру, закончившихся неудачей, автор называет причиной неудачи то, что реформирование осуществлялось по образцу, чуждому реформируемой культуре, – и это верно. По мнению М.Т. Степанянц, надо было «выявлять и задействовать внутренние импульсы развития соответствующей культуры» (с. 69). Утверждение привлекательное и для России весьма актуальное. Тем не менее, не может не возникнуть вопрос: существуют ли «внутренние импульсы развития» внутри каждой культуры? Ведь представление о саморазвивающейся культуре сложилось на примере европейского общества, вступившего в капиталистическую глобализацию. Хотелось бы верить в существование таких импульсов, но нельзя исключать того, что их просто нет. Смысл существования традиционного общества – в его самовоспроизводстве с опорой на традицию. Потому-то и актуально сегодня создание нового уровня бытия, превосходящего ограниченность традиционных обществ, – уровень, соответствующий «третьему пути», глашатаям которого выступает М.Т. Степанянц.

Весьма актуальной выглядит глава VI с броским названием «Непригодная экономика и бесполезная этика». И хотя речь в ней идёт преимущественно о «непригодности» западной, точнее, глобальной экономики, ориентированной на потребительство, напрашивается параллель с российской реальностью. Не случайно глава открывается критическим замечанием в адрес властей за обывательское представление о философии как о чём-то оторванном от жизни, а значит не так уж и нужном, с их точки зрения, для оценки сложившегося положения вещей. Замечание справедливое, но недостаточное, на мой взгляд. Хорошо бы сюда добавить положение, высказанное автором в Заключение, – положение о необходимости реформировать образование с целью включить межкультурную ориентацию в преподавание гуманитарных дисциплин (см. с. 149). Полагаю, что реализация этого

предложения явилась бы важнейшим шагом на пути преодоления российской «непригодной экономики», скопированной с худших образцов западного общества. Куда разумнее было бы усовершенствовать советский опыт совместной деятельности в ходе индустриализации страны. Правда, в рецензируемой книге «совместная деятельность» преподносится как буддийский опыт формирования идентичности. Что ж, этот опыт тоже имеет смысл учесть. Важно, чтобы экономика не отрывалась от этики, для чего необходимо «привлечь внимание не к количественному, а к качественному, нравственно обоснованному подходу к развитию, к экономическому процветанию» (с. 79). Не менее важно и то, что, как подчёркивает автор, «историю следует рассматривать не как линейный, общий для человечества процесс, а как историю, творимую совместно» (с. 73–74).

Совместно творимая история потребует пересмотра так называемой универсальной этики, причём, по мнению автора, с учётом, в частности, этики конфуцианской. Соглашаясь с этим, хочу заострить обсуждаемую тему, задав вопрос: насколько современный Китай следует заветам Конфузия? В главе X приводится утверждение современного конфуцианца Вэймин Ду о том, что в разработанном им «духовном гуманизме» в полном соответствии с принципами конфуцианства признаётся святость земли. Интересно, соответствует ли этому принципу практическая жизнь современного Китая с его загрязнением окружающей среды?

Хочется отметить главу VII, посвящённую многообразию способов модернизации. В ней активно задействовано понятие «архаизация», непривычное пока для философской литературы, но удачно использованное автором для осмысления проблем, перед лицом которых оказываются страны, ступившие на путь модернизации. Похоже, что оно вполне подходит и для осмысления происходящего в России. Особый интерес представляет предпринятый автором анализ «архаизации», – анализ, показавший неоднозначность этого явления, даже его противоречивость. Так, отмечено, что архаизация не означает буквального воспроизведения прошлого. Она может означать «мнимое подражание» традиционным ценностям и институтам (см. с. 82). К тому же обнаруживается «двуликость» архаизации, возможность расхождения между экономическим курсом и провозглашаемой идеологией. Тому есть примеры, описанные и проанализированные автором.

В главе VIII подробно показано, как с течением времени менялись представления о задачах и возможностях философии и науки. Подчёркивается, что «наука становится одним из важных факторов диалога культур» (с. 101). Яркой иллюстрацией этих положений явилась ссылка на материалы международной конференции «Диалог

российских и буддийских учёных о природе сознания».

Интересный материал собран и осмыслен в двух заключительных главах книги – IX и X, в которых речь идёт о взаимосвязанных проблемах: соотношение человека и общества и соотношение индивидуализма и коллективизма. Необходимость обратиться к этим проблемам М.Т. Степанянц объясняет так: «Пришло время заново осознать смысл человеческого бытия, задуматься над тем, что значит жить по-человечески» (с. 114). Полностью согласна! Но «жить по-человечески» невозможно без опоры на моральные нормы. Какие именно? Автор показывает, что одни мыслители выступают за возвращение к традиционным нормам морали, тогда как другие настаивают на том, что «раскрепощённый разум» освобождает людей от традиций, и ратуют за «глобальный этос» (с. 127). И дальше автор воспроизводит дискуссии по поводу «глобального этоса», объясняя скептическое отношение к нему тем, что его выработка «в настоящее время происходит на фундаменте либерального, секулярного мировоззрения» (с. 129). Можно ли согласиться с этим доводом?

Хотелось бы выделить два момента, заслуживающих внимания. Во-первых, «либеральный» и «секулярный» написаны через запятую и как будто бы предполагают друг друга. Относительно «либерального», возможно, это верно, но обязательно ли обратное соотношение? На с. 130 справедливо поставлена под сомнение правомерность отождествления традиционных ценностей с религиозными. В таком случае «секулярность» вовсе не обязательно отрицает «традиционность». Во-вторых, является ли либерализм единственно возможной основой для глобального этоса? Если мы признаём, что нынешний либерализм зашёл в тупик и ведёт туда же глобализирующееся человечество, то разумно предположить, что глобальный этос сегодня пока невозможен. Почва для него не подготовлена. Он понадобится для регулирования межкультурного взаимодействия, к которому мы стремимся, но которого пока нет. Пока речь может идти только о создании нового межкультурного бытия вместе с соответствующим этосом. Полагаю, что вопрос о глобальном этосе

следовало бы проговорить более чётко, поскольку он созвучен теме книги.

Хочется отметить проведённое автором сопоставление позиций двух представителей разных философских традиций: китайского мыслителя В. Ту и американского философа Р. Эймса (см. с. 143). Правда, вывод о «реальном существовании и развитии межкультурной философии», – вывод, сделанный автором на основе проведённого сопоставления, кажется немного преждевременным, поскольку сопоставление проведено автором книги, а не самими представителями сравниваемых позиций. Пожалуй, точнее было бы сказать, что некоторые современные философы, в число которых входит и М.Т. Степанянц, осознали перспективность межкультурной философии и готовы проводить её в жизнь.

Подводя итог всему сказанному, хочется подчеркнуть, что рецензируемая книга является серьёзным вкладом в разработку актуальных философских проблем и шагом вперёд по пути продвижения к культурно многомерному философствованию. Книга написана прекрасным литературным языком на высоком научно-теоретическом уровне. Её интересно читать как специалисту, так и простому любителю философии. Она обогащает новыми знаниями и побуждает к размышлению, о чём свидетельствуют высказанные замечания и предложения.

Т.В. Панфилова

Панфилова Татьяна Васильевна – Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Москва, 119454, проспект Вернадского, д. 76.

Доктор философских наук, профессор кафедры философии им. А.Ф. Шишкина МГИМО МИД России.

panta@inbox.ru

Panfilova Tatiana V. – MGIMO – University, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation.

DSc in Philosophy, Professor of Philosophical Department, MGIMO – University, Moscow, Russian Federation.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–5–215–218

Русская философия за рубежом: история и современность / Под ред. М.А. Маслина; сост. Л.Е. Моторина. М.: КНОРУС, 2017. 448 с.

Коллективная монография, посвященная анализу иноязычных исследований в области истории русской философии, издается в нашей стране впервые. Замысел книги не стандартен, направлен на выявление и освещение различных, дополняющих друг друга аспектов зарубежного историко-философского руссиеведения. Соответственно, при раскрытии исходного

замысла в книге использованы разного рода подходы к исследованию: первый раздел посвящен теоретическому рассмотрению посвященных России зарубежных историко-философских исследований в проблемном ключе; второй охватывает анализ историографии русской философии в различных национальных традициях; третий представляет собой нечто вроде